

Ведь нас связала божья благодать.
Любое обхождение друг с другом
Дозволено повенчанным супругам.
Как может согрешить с женою муж,
Себя своим ножом порезать? Чушь!
Супруги мы, играть нам нет запрета».
Так пропыхтев до самого рассвета,
Хлебнул кларета он и, на кровать
Усевшись, стал супругу целовать
И громко петь с гримасою влюбленной.
Казалось, жеребец разгоряченный
Сидел в нем рядом с глупою сорокой,
Болтающей без отдыха и срока.
Все громче пел он, хрипло голоса,
А шея ходуном ходила вся.
Бог ведает, что ощущала Мая,
Его в одной сорочке созерцая
И в колпаке ночном. Я убежден,
Что ей не по душе пришелся он.
В конце концов он заявил: «Игра
Меня сморила, отдохнуть пора», -
И, вмиг заснув, до десяти проспал,
Потом, при свете дня, с постели встал.
А что касается прелестной Май,
Она, обычай женский соблюдая,
Из горницы своей четыре дня
Не выходила вон, покой храня.
Нужны в любой работе перерывы:
Сменяя труд и отдых, твари живы -
Все: люди, скот и даже рыбы, птицы.
Пора мне к Дамиану возвратиться.
Который страждет, мукой обуян.
Я так ему скажу: «О Дамиан,
Ужели ты надеешься, несчастный,
Что сможешь госпоже своей прекрасной
Поведать скорбь души? Сомненья нет,
Что отповедь получишь ты в ответ.
Еще предаст она тебя, пожалуй,
Бог помоги тебе, мой бедный малый!»
Горит в огне Венеры Дамиан
И смерти жаждет, исходя от ран.
Ему нашептывает злой недуг
Любой ценой отделаться от мук.
Достав бумагу и перо, он пишет
Письмо, что к милой Мае страстью дышит,
И стихотворной жалобой своей
О пытках сердца сообщает ей.
В шелк обернув письмо, его хранит
За пазухою он, тоской убит.
Со свадьбы Май на небе луна,
Пройдя десятую ступень Овна,
Успела соскользнуть в созвездье Рака,
А Мая, верная законам брака,
Пережидала в горнице своей,
Чтоб меньше трех не миновало дней